

Миропольский Сергей Иринеевич

Школа и государство

Обязательность обучения в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32   **Сергей Иринеевич М.**
Школа и государство: Обязательность обучения в России / Миропольский
Сергей Иринеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 257 с.

ISBN 978-5-519-96778-5

ISBN 978-5-519-96778-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Извѣстно также, какое важное значеніе придавалъ Платонъ образованію юношества для государственнаго блага въ своей «Республикѣ». Слѣдя далѣе за развитіемъ этой идеи, можно сказать положительно, что она составляла краеугольный камень гражданскаго строя классическихъ народовъ.

Прошли вѣка. Древніе народы уступили мѣсто другимъ; старыя общественныя *формы* жизни и отношеній уступили новымъ; государственный строй новыхъ народовъ потребовалъ *другихъ началъ*. Многие изъ того, чѣмъ жила древность, исчезло и потерялось въ смѣнѣ вѣковъ, въ исторической борьбѣ идей и народностей. Но не утратилась и не потеряла силы мысль, высказанная въ древности Аристотелемъ о значеніи образованія юношества для государства и объ отношеніи къ нему государства. Скажемъ болѣе. Мысль эта получила болѣе широкое развитіе и болѣе полное примѣненіе: въ новомъ мірѣ она перешла въ *обязательность образованія*, установленную государственною властью—какъ общій законъ, нарушеніе котораго сопровождается взысканіемъ. Новые народы поняли и признали, что государство *не въ правѣ безучастно относиться къ дѣлу просвѣщенія* народа, предоставивъ его случаю. Аристотель настаивалъ на томъ, чтобы признать образованіе юношества дѣломъ *общегосударственнымъ*, чтобы оно было предметомъ заботъ и попеченій не только общества, частныхъ лицъ, но и правительства, законодательства. Новые народы пошли далѣе. Государство, принявъ на себя заботу о просвѣщеніи народномъ, *обязываетъ всѣхъ безъ изъятія* гражданъ удовлетворять требованіямъ начальнаго образованія. По воззрѣніямъ XIX вѣка—*образованіе составляетъ не только право, но и долгъ* каждаго человѣка; а потому оно должно быть *всеобщимъ и обязательнымъ*; теоретическое и практическое признаніе этой истины шло медленно, но прочно, такъ что въ настоящее время оно составляетъ почти всюду общепризнанный фактъ.

Еслибы *Россія* не имѣла за собою великой эпохи современныхъ реформъ; еслибы она не пережила въ послѣднее десятилѣтіе того, что переживается вѣками,—если бы не повѣяла на нее свобода, не пробудилась ея мысль, не почувалась потребность новой лучшей жизни; то и тогда довольно было бы внимательно изучить ходъ исторіи просвѣщенія народовъ, раньше насъ вышедшихъ на сцену исторической жизни, чтобы убѣдиться, что *дѣло народнаго просвѣщенія только съ того момента быстро идетъ впередъ и развивается, когда перестаетъ быть предметомъ случайныхъ филантропическихъ заботъ—и дѣлается государственною потребностью*, или что тоже, *когда начальное образованіе признается государственными законами всеобщимъ и обя-*

зательнымъ для всѣхъ гражданъ—и когда удовлетвореніе этой потребности обеспечивается соединенными усиліями общества и государства.

Поэтому одна изъ великихъ національныхъ задачъ нашего времени, разрѣшеніе которой должно обеспечить величіе, могущество и благо нашего отечества, состоятъ въ правильномъ развитіи и возможно широкомъ распространѣніи *начальнаго народнаго образованія*, которое у насъ такъ долго оставалось въ пренебреженіи.

Правительство наше, со временъ Петра до настоящаго царствованія, почти всѣ заботы свои прилагало къ образованію *высшихъ* классовъ народа, особенно служилыхъ сословій; для нихъ оно учреждало общеобразовательныя и спеціальныя, среднія и высшія учебныя заведенія, въ разныхъ вѣдомствахъ; на нихъ оно сосредоточивало заботы; на нихъ государство несло щедрыя жертвы. Образованіе же самаго многочисленнаго класса народа — народной массы, сельскихъ жителей было представлено *случаю* и частной *благотворительности*,— оно было представлено личной инициативѣ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ, отчасти работамъ отдѣльных вѣдомствъ, къ которымъ приписывались крестьяне. Но помѣщики не были заинтересованы просвѣщеніемъ своихъ крестьянъ; администрація разныхъ вѣдомствъ въ просвѣщеніи мало смыслила и тоже не видѣла въ немъ особенной нужды для народа; а закрѣпощенный народъ, задавленный нравственно и физически, не имѣя ни правъ, ни средствъ, ни досуга, ни даже пониманія и потребности просвѣщенія,— туго, терпѣливо и послушно несъ двойное ярмо—рабства и невѣжества.

Конечно, и здѣсь были исключенія, но они такъ исключеніями и остались. «Никакихъ *общихъ усилій* на пользу начальнаго народнаго образованія, никакого *единства* въ дѣйствіяхъ, направленныхъ на этотъ важный предметъ, и даже никакихъ *общихъ свѣдѣній* о состояніи начальнаго народнаго образованія—не было и не могло быть; и оно являлось какъ бы отданнымъ на волю *случая* ¹⁾.» Такая «система» невмѣшательства и свободы въ дѣлѣ народнаго образованія, а въ сущности система пренебреженія и безучастія къ столь великому дѣлу, съ теченіемъ времени сдѣлалась невозможною. Невозможность эта становится очевидно со времени великой реформы освобожденія, съ призваніемъ всего народа къ самоуправленію. Можно сказать, что съ этого только времени и начинается исторія собственно *народнаго* образованія. Школа до-Петровская была элементарною и всеобщею; съ Петромъ она принимаетъ отчасти спеціально-профессіональный характеръ и становится все-

¹⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 г., Май.

общимъ достояніемъ высшихъ классовъ, въ то время какъ масса податного и крѣпостного сословія оставалась въ невѣжествѣ; нынѣ настало время, когда образованіе должно разлиться по всей Россіи, стать достояніемъ *всѣхъ и каждого*.

Это не есть уже теперь мнѣніе немногихъ идеалистовъ, но всеобщее убѣжденіе, которое вполне раздѣляетъ и государство, въ лицѣ своего спеціального органа—министерства народнаго просвѣщенія, которое ставитъ это прекрасное убѣжденіе въ основу своей дѣятельности по народному образованію.

Вотъ замѣчательныя слова г. министра просвѣщенія, въ которыхъ высказывается имъ это убѣжденіе предъ Государемъ Императоромъ, во Всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1866 годъ: «Во всѣ предшествовавшія Вашему Императорскому Величеству царствованія, пишетъ г. министръ, *обращалось почти исключительное вниманіе правительства на высшія и среднія учебныя заведенія; къ образованію же массы народа, для котораго высшее и среднее образованіе, говоря вообще, недоступно, приложено было мало заботъ*, отчасти потому, что около половины крестьянскаго сословія находилось въ крѣпостномъ правѣ. Оставаясь при убѣжденіи, что слѣдуетъ всячески содѣйствовать къ большому развитію науки въ университетахъ и укорененію ей въ нашемъ обществѣ, а также принимать мѣры къ увеличенію числа гимназій и упроченію въ нихъ основательнаго ученія, я смѣю думать, что *отличительная черта царствованія Вашего Императорскаго Величества по вѣдомству Всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ министерства должна состоять въ образованіи народа, вами, Всемилостивѣйшій Государь, освобожденнаго и призваннаго пользоваться благами новыхъ учрежденій, вызывающихъ потребности знанія для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы.*» «Для пользы самаго дѣла не была бы желательна *одиночная въ семъ отношеніи дѣятельность правительства*,—напротивъ того, министерство народнаго просвѣщенія должно дѣйствовать *совокупно*—какъ съ православнымъ духовнымъ вѣдомствомъ, такъ съ земствомъ и обществомъ. *Министерство постоянно будетъ имѣть въ виду эту великую задачу, сохраняя надежду, что и общество не останется къ ней безучастнымъ* ¹⁾.»

Можно сказать, что надежды правительства въ этомъ отношеніи не обманулись; довольно сравнить недавнее прошлое нашихъ школъ, десять лѣтъ тому назадъ, съ настоящимъ его положеніемъ, чтобы видѣть, какой подъемъ совершился въ этой области за этотъ небольшой сравни-

¹⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1866 г. Январь. I отд. стр. 54.

тельно срокъ. Но для насъ важна въ этомъ случаѣ твердая опредѣленность принятаго разъ правительствомъ направленія. Теперь, когда мы стоимъ на рубежѣ великой реформы въ дѣлѣ народнаго образованія, когда русское общество ожидаетъ введенія обязательности начальнаго обученія, какъ мѣры, которая одна только и можетъ сдѣлать это образованіе *всеобщимъ*, — такая увѣренность особенно важна. Всякій согласится, что только при этомъ условіи возможна плодотворность работъ на пользу этого дѣла. Мы находимъ рѣшительное *подтвержденіе* этой увѣренности въ послѣдующихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ г. министра народнаго просвѣщенія. Такъ, въ 1868 г. онъ докладывалъ Государю Императору, по поводу факта неудовлетворительности начальныхъ училищъ: «Развитіе народныхъ училищъ — въ прямомъ смыслѣ этого слова, то-есть, училищъ предназначенныхъ для образованія массы народа, — всегда и вездѣ шло медленно и составляло самую трудную задачу, разрѣшеніе которой становилось возможнымъ только съ того времени, когда въ самомъ народѣ пробуждалось сознаніе необходимости образованія для всей массы народа и начиналъ выработываться взглядъ на образованіе — не какъ на роскошь, а какъ на дѣйствительную потребность, безъ которой немислимо благосостояніе общественное. Подобное *сознаніе необходимости народнаго образованія теперь уже пробудилось у насъ во всѣхъ сословіяхъ, не исключая и крестьянскаго населенія; а потому можно твердо вѣрить, что народной школѣ положено у насъ прочное начало, и что никакія уже препятствія не могутъ остановить ея развитія* ¹⁾».

Подобное заявленіе, истекающее отъ высшаго правительственнаго органа, коему ввѣряется дѣло народнаго образованія, торжественно заявляемое предъ Государемъ Императоромъ, — безъ сомнѣнія, имѣетъ самое серьезное значеніе. Здѣсь видна воля, разумно направляемая къ служенію самымъ насущнымъ и дорогимъ интересамъ нашего отечества. Вотъ почему практически поднятый въ послѣднее время — вопросъ объ обязательности обученія, поддерживаемый нынѣ министерствомъ просвѣщенія, вызываетъ самыя отрадныя надежды на успѣшный исходъ и долженъ вызвать энергическую поддержку всѣхъ частныхъ тружениковъ на пользу просвѣщенія, всѣхъ органовъ нашей печати и общественнаго мнѣнія.

¹⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1870 г. Января. Отд. I, стр. 41.

Историческій очеркъ обязательности обученія въ Россіи.

Всякій народъ, путемъ исторіи, самъ вырабатываетъ себѣ основы, содержаніе и формы жизни.—Только тѣ реформы имѣютъ полную силу, которыя согласны съ духомъ народа и соответствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ его жизни.

I.

Вопросы.—Есть ли признаки обязательности публичнаго образованія въ *древнѣйшую эпоху исторической жизни нашихъ предковъ—славянъ?*—Мнѣніе г. Владимірскаго—Буданова по этому вопросу—Благопріятныя условія для обязательности обученія въ социальномъ складѣ жизни низшихъ первичныхъ формаций общества. — Фактъ обязательности публичнаго обученія у древнихъ народовъ. — Различныя формы его по различію идеаловъ. — Значеніе «обычнаго права» въ первичной формѣ обязательности. Внѣшніе обряды, знаменующіе переходъ дитяти изъ семейной опеки подъ обязательное вліяніе общества. — Значеніе этой формы *обязательности въ силу обычного права*. Переходъ къ *новой формѣ* обязательности обученія—съ подчиненіемъ первичныхъ формаций общества государственному принципу. — Общественно-историческое условіе возникновенія обязательности обученія въ разныя эпохи.— Отчего у насъ каждый разъ обязательность обученія являлась въ эпохи реформъ? — Общій ходъ развитія идеи обязательнаго обученія въ Россіи.

«Когда и какъ возникла въ Россіи обязательность обученія?» «Гдѣ ея зачатки и основанія?» — «Свойственно ли это начало славянскому духу нашего отечества?» «Есть ли зачатки этого принципа въ нашемъ историческомъ прошломъ?» Всякій согласится, что вопросы эти столько же интересны, сколько и важны, особенно теперь, когда обязательность обученія является въ ряду важнѣйшихъ практическихъ проблеммъ современнаго законодательства.

Прежде всего было бы желательно рѣшить вопросъ: есть ли какіе-нибудь признаки существованія этого принципа, хотя бы и въ измѣ-

ненной формѣ, у нашихъ предковъ, въ древнюю эпоху самобытной жизни ихъ, до организаціи въ государственный бытъ, когда уже опредѣляющимъ началомъ является центральная власть?—Нѣкоторые соображенія по этому вопросу находятся въ изслѣдованіи г. Владимірскаго-Буданова ¹⁾ объ отношеніи государства къ народному образованію въ Россіи.

«Существуетъ мнѣніе, говорить ученый авторъ, что обязательность элементарнаго обученія можетъ быть установлена только центральнымъ правительствомъ. ²⁾ Между тѣмъ историческія свидѣтельства указываютъ, что всѣ низшія формации общества, входящія потомъ въ государство (роды и сословія, общины и земства), могутъ точно также примѣнять эту мѣру, конечно лишь въ одномъ ея видѣ (соотвѣствующемъ германской *Schulpflicht*, а не *Schullast*)».

«Несомнѣнно, обязательное обученіе *не есть ничто совершенно новое*, возникшее лишь подъ вліяніемъ современныхъ понятій о сущности и цѣляхъ государства. Напротивъ, въ древнѣйшія времена социальная почва для него была *особенно благоприятна*. Чѣмъ ближе формы государства къ первоначальнымъ, зачаточнымъ, именно къ семьѣ, чѣмъ непосредственнѣе относится къ обществу правящая власть, тѣмъ большей опекой она охватываетъ нравственный бытъ частныхъ лицъ». ³⁾

Такимъ образомъ, почти у всѣхъ народовъ юное поколѣніе является подъ непосредственною опекой семья и—обыкновенно съ 7 л.—общества. «Не слѣдуетъ думать, справедливо замѣчаетъ почтенный авторъ, чтобы означенный переходъ знаменовалъ для ребенка непрѣмнѣно поступленіе въ школу.» Взглядъ на задачи и содержаніе общаго образованія, служившаго иногда условіемъ правоспособности каждаго члена общества, разнообразился по различію племенныхъ, историческихъ и другихъ условій. Вообще первобытные народы считали идеаломъ общаго образованія физическую ловкость, которую въ различныхъ видахъ мы и встрѣчаемъ—какъ необходимый элементъ общаго образованія, которому *обязательно подвергалось все молодое поколѣніе*, вступая въ извѣ-

¹⁾ Прекрасный трудъ, на который мы будемъ ссылаться и далѣе, хотя во многихъ выводахъ положительно расходимся съ почтеннымъ авторомъ. Собственно здѣсь мы имѣемъ въ виду два изслѣдованія. «Государство и народное образованіе въ Россіи», ст. помѣщенныхъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 г. (мѣсяцы октябрь и ноябрь, и 2) отдѣльную книгу: «Государство и нар. образованіе въ Россіи XVIII в.» Ч. 1. (Отъ Петра I до Екатерины II). Ярослав. 1874 г.

²⁾ *Stein.*, Das Bildungswesen (Vervaltungslehre) V. s. 20. 1868.

³⁾ *Владимірскій—Будановъ*, «Госуд. и нар. образованіе въ Россіи», Ж. Мин. Нар. Пр. Ноябрь, стр. 41. Ср. у *Лешкова*, Р. Нар. и Госуд. стр. 412.

твый возрастъ. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи требованія отъ публичнаго и обязательнаго для всѣхъ гражданъ—молодежи образованія персовъ, грековъ, германцевъ, славянъ, чтобы признать несомнѣнность самаго факта обязательности этого образованія, которое сливалось съ воспитаніемъ въ духѣ времени и національности. Чѣмъ выше подымалось образованіе племени или народа, тѣмъ болѣе входило умственныхъ элементовъ въ обязательный кругъ публичнаго образованія юношества (изъ котораго исключались только рабы и женщины). Даже у одного и того же народа требованія эти иногда различались весьма рѣзкими чертами, смотря по умственному развитію отдѣльныхъ племенъ. Довольно сравнить суровый идеалъ обязательнаго публичнаго воспитанія спартамца и гуманное публичное образованіе афинянина ¹⁾. Вообще—можно признать, что какъ скоро являлась у народа *грамотность*, то она неизбежно входила въ цѣль публичнаго образованія юношества. Но для насъ важенъ въ данномъ случаѣ лишь тотъ фактъ, что *у всѣхъ народовъ*, даже въ примитивной формѣ ихъ существованія, *признавалось обязательнымъ известное публичное образованіе*, известные навыки и знанія, отсутствіе которыхъ лишало юношу тѣхъ правъ, которыя принадлежали ему по рожденію.

«Эту же *обязательность*, гарантируемую—не законодательными мѣрами, а *требованіями обычнаго права*, мы встрѣчаемъ и у насъ въ древнѣйшую эпоху. И на Руси точно также, по достиженіи мальчикомъ известнаго возраста, общество неизбежно вступало въ свои права надъ нимъ и сообщало ему знанія, считавшіяся необходимыми». ¹⁾ Переходъ отъ семейнаго воспитанія къ общественному обыкновенно сопровождался *обрядами*, которые еще болѣе въ глазахъ народа закрѣпляли важность требованій обычнаго права въ этомъ отношеніи. Такъ, у римлянъ (на 15 году) существовалъ обрядъ стриженія волосъ юноши; у славянъ же,

¹⁾ *Εὐκλείης παιδεία*, или, по переводу Квинтиліана, *encyclos omnium doctrinarum disciplina*, — какъ выше сказано, — курсъ свѣдѣній, наукъ и искусствъ, которыми обязательно долженъ былъ усвоить себя каждый свободный грекъ—афинянинъ въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ, въ видѣхъ подготовленія себя къ практической дѣятельности гражданина. Въ спартанскомъ же публичномъ (и также обязательномъ) для юношества образованія преобладала выработка мускульной силы, изворотливости, житейской выдержки и выносливости. Спартамцы избѣгали искусствъ, какъ *низводящихъ и ослабляющихъ физическую силу средствъ* воспитанія. Обязательность эта главнымъ образомъ коренилась въ обычномъ правѣ, но отчасти имѣла и государственную санкцію.

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр. 1873 г. Ноябрь*. Владимірскій-Будановъ. Обр. ч. Госуд. стр. 42.

по извѣстіямъ арабскихъ писателей, отецъ вручалъ юношѣ лукъ и стрѣлы (что было и у германцевъ, по извѣстію Тацита), для выраженія того, что юноша долженъ обучаться искусству владѣть оружіемъ. Въ историческія времена обрядъ этотъ замѣняется у насъ *постригами* и сажаніемъ на коня, что сначала дѣлалось очень рано (по 3—4 году), а потомъ стало совершаться съ 7 лѣтъ ¹⁾, послѣ чего (съ принятіемъ христіанства) дѣтей обучали и грамотѣ ²⁾.

Конечно, «эта обязательность образованія, вытекающая изъ историческихъ основъ отношенія общества къ семьѣ, не имѣютъ ничего общаго съ обязательностью, устанавливаемою закономъ» ³⁾; но въ тоже время она свидѣтельствуетъ, что самый принципъ обязательности (хотя и въ сказанной формѣ) не чуждъ былъ нашей древней жизни и даже составляетъ существенно—характерическую черту древне-русскаго племеннаго быта. Но эта *обязательность обычнаго права* естественно должна была перейти въ *обязательность права государственнаго*, когда семейныя, племенные и общинныя начала жизни подчинились государственному принципу; когда является воля правительства, направляемая и руководимая не однимъ обычаемъ, но интересами и потребностями государства, благомъ народа, развитіемъ его производительности или (позднѣе) потребностями средствъ для его охраны.

Слѣдя за ходомъ развитія въ Россіи обязательности въ послѣднемъ смыслѣ и направленіи, мы встрѣчаемся съ характеристическимъ явленіемъ, которое неизмѣнно повторяется въ ходѣ нашей исторіи. Именно, *потребность обязательнаго обученія является каждый разъ въ эпоху реформъ*, «когда въ жизнь проникаютъ новыя воззрѣнія—умственные, соціальныя и религіозныя».

Явленіе это вполне понятно и естественно. Мы можемъ наблюдать его и у другихъ народовъ ⁴⁾; по у насъ оно опредѣлилось весьма ясно.

¹⁾ Значеніе этого обряда считалось такъ важнымъ, что заносилось даже въ лѣтописи. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ (стр. 209) читаемъ: «Того же лѣта (1302) мѣсяца ноября въ 8, на память Архистратига Михаила, *быша пострига* у кн. Михаила (тверскаго) сынови его Дмитрію»...

²⁾ «Родшужеса отрочати (о Петрѣ митроп.) и 7-го лѣта возраста достигшу, давая бываеъ родителями книгамъ учиться». Степенная книга. стр. 411.

³⁾ *Владимирскій—Будановъ*. стр: 43

⁴⁾ У Евреевъ подобное явленіе было въ эпоху столкновенія ихъ съ греческою цивилизаціею. Вымнялось въ обязанность имѣть школу на каждыя 120 семействъ; городъ, не имѣвшій школы, предавался проклятію и считался, по суду раввиновъ, недостойнымъ существованія. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854. XII стр. 249. Ср. Влад.—Будановъ, «Госуд. и нар. образ.» стр. 44. Въ Германіи обязательность обученія явилась, какъ извѣстно, въ эпоху реформациі.

Каждая важная реформа въ народной и государственной жизни является отрицаніемъ или измѣненіемъ старыхъ основъ и формъ жизни, которыя почему-либо оказываются несостоятельными. *Новыя начала* требуютъ и *новыхъ дѣателей* (ибо не даромъ сказано: «не вливайте вино новое въ мѣхи старые»). Но гдѣ ихъ взять?—Если ихъ нѣтъ, то *надо ихъ подготовить, надо ихъ создать*,—безъ этого условія всякая реформа потеряетъ свое значеніе. Но такъ какъ свободно желающихъ идти въ новомъ направленіи, особенно сначала (всѣ новыя начала жизни массамъ прививаются медленно), бываетъ мало, то государство становится въ *необходимость прибѣгнуть къ обязательности* образованія въ духѣ и смыслѣ новой реформы. Такимъ образомъ, сознаніе недостаточности наличныхъ средствъ образованія и безсиліе вызвать его обычными средствами вызываютъ мѣры принужденія. Сначала эти мѣры (при Владимірѣ и Ярославѣ) шли *лично и непосредственно отъ князей*; далѣе, въ XVI в. онѣ уже являются съ санкціей *соборныхъ опредѣленій* (хотя тоже по инициативѣ царя), и наконецъ при Петрѣ являются *мѣрами государственными*. Въ дальнѣйшемъ развитіи, до Екатерины II, мѣры эти направлены къ *сословно-профессіональному образованію*; а съ Екатерины идея обязательнаго обученія начинаетъ относиться и къ *общеобразовательному курсу элементарныхъ училищъ*, что съ особенною ясностію выразилось въ современныхъ предположеніяхъ и ходатайствахъ о введеніи обязательнаго обученія со стороны *земскихъ собраний*.

Обязательность обученія на Руси до-Петровской въ эпоху Владимира и Ярослава (988—1054).

«Велика бываетъ польза отъ ученія книжного; книгами бо кажеми и учими еси пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ». *Несторъ.*

II.

Первая великая реформа на Руси и первая обязательность обученія грамотѣ.—Значеніе второй реформы.—Была ли грамотность на Руси до нея?—Важное условіе для новой реформы и ея просвѣтительное вліяніе.—Борьба.—

Совѣтъ м. Михаила и его выполнение Владиміромъ.—Довля дѣтей въ «книжное учение» и плачь матерей.—Характеръ перваго обязательнаго обученія на Руси.—Его результаты.—*Принудительность обученія при Ярославѣ*.—Смягченныя ея формы и стремленіе къ повсемѣстности.—Матеріальная зависимость образованія отъ правительства.—Свѣтскій и народный характеръ училищъ, основанныхъ Ярославомъ, поддерживаемыхъ князьями. — Женское образованіе.—Постепенное ослабленіе мѣръ обязательности обученія, вслѣдствіе постепеннаго усвоенія народомъ просвѣтительныхъ требованій школы.—Причины замедленія и перерыва въ послѣдующемъ ходѣ развитія нашего просвѣщенія.—Характеръ обязательности обученія въ эту эпоху.

Первая великая реформа, положившая основаніе русской образованности, представляетъ намъ введеніе христіанства въ наше отечество (988 г.). Въ этой реформѣ древне-языческій міръ суевѣрій встрѣтился съ кроткимъ и свѣтлымъ міровоззрѣніемъ христіанства, которое внесло съ собою въ Русь и свѣтъ просвѣщенія. Едва ли другая какая-либо реформа такъ сильно и глубоко вліяла на жизнь нашихъ предковъ. Реформа эта захватывала собою не одну внѣшность, но глубокую сущность народной жизни. Она внесла въ нее новые элементы гуманности, общечеловѣческаго права; она проникла въ семейный бытъ народа; отозвалась на его умственныхъ и нравственныхъ понятіяхъ,—на всемъ его міровоззрѣніи, и на долго опредѣлила ходъ его исторической жизни.

Само собою понятно, что такая реформа не могла войти въ жизнь *безъ борьбы*. И мы знаемъ, что въ главныхъ центрахъ тогдашней русской жизни борьба эта дѣйствительно была (стоитъ вспомнить кровавое крещеніе Новгорода, гдѣ «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня—огнемъ»). Естественно, что борьба эта отразилась не на одной религіи, но и на всемъ, что входило съ нею въ жизнь,—между прочимъ и на грамотности, которая впервые явилась на Руси.

Но не было ли грамотности у насъ раньше?—на это едва ли кто можетъ отвѣтить утвердительно. По свидѣтельству писателя X вѣка, черноризца Храбра, «Словяне *чертами* и *рѣзами* гадали и чли, погани суще»¹⁾. Это не грамотность, иначе надо бы признать и всѣхъ нашихъ крестьянъ, которые доселѣ ограничиваются «чертами и рѣзами» (бирками) въ своихъ записяхъ,—грамотными. Судя же потому, какъ встрѣчена была первая попытка распространить грамотность на Руси, съ вѣроятностью можно полагать, что грамота была на Руси дѣломъ но-

---

¹⁾ См. *Бодянского*—«О времени происхожденія славянскихъ племенъ». 185, г. Ср. *Татищева* «Ист. Рос.» Ч. II: стр. 75: Михаилъ о заведеніи училищъ: «прежде бо не вѣдающе закона (славяне), не слышали словесъ книжныхъ».